

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-919-938>

EDN: GAWEEV

Научная статья / Research Article

Новые технологии в праве как высокоэффективное средство реализации конституционного принципа равенства в условиях разноразовного правового регулирования

И.Н. Исаков

Московский институт электронной техники, г. Москва, Российская Федерация

 isakov2009@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена значительным усложнением общественных отношений, высоким их динамизмом, стремительным ростом новых высоких технологий в развитии современного права, его ориентированностью на реализацию конституционного принципа равенства. Предпринята попытка обосновать, что социальная направленность Российского государства и применение новых высоких технологий в праве дают возможность нормам первичного регулирования более активно участвовать в расширении круга субъектов, наделенных правом принятия норм первичного регулирования, в результате чего правовое регулирование необходимо приобретает разноразовный характер, а высокотехнологичное право, благодаря новым свойствам (технологичность, логистичность, наукоемкость) выступает эффективным средством осуществления принципа равенства в конкретных правоотношениях. Целью работы является обоснование роли высоких технологий в качестве эффективного средства реализации конституционного принципа равенства в условиях разноразовного правового регулирования. Материалами для проведения исследования послужили труды ученых-юристов, а также специалистов в области философии, теории права, социологии, технологии, юридическая практика, нормативная правовая база федерального, регионального, муниципального и локального уровней, практический опыт работы автора в правоохранительной сфере и преподавательской деятельности. Выводы получены на основе общенаучных методов исследования: диалектического, системного, логического, социологического, а также научно-научных и специальных методов. Обосновано, что новые высокие технологии в праве существенно корректируют основные теоретические установки первичного правового регулирования, его парадигмы и практическую направленность, развивают идею разноразовного и интегративного характера правового регулирования. Дается авторская интерпретация понятиям «равенство», «разноразовное правовое регулирование». Раскрываются механизмы действия высоких технологий в реализации правового равенства. Показаны позитивные результаты применения в разноразовном правовом регулировании цифрового государственного управления, искусственного интеллекта, электронного правительства и др.

Ключевые слова: право, правотворчество, принцип правового равенства, разноразовное правовое регулирование, правоприменение, новые высокие технологии, преобразование права, высокотехнологичное право

© Исаков И.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 15 января 2023 г.

Принята к печати: 15 октября 2023 г.

Для цитирования:

Исаков И.Н. Новые технологии в праве как высокоэффективное средство реализации конституционного принципа равенства в условиях разноуровневого правового регулирования // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 919–938. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-919-938>

New technologies in law as a highly effective means of implementing the constitutional principle of equality in conditions of multi-level legal regulation

Igor N. Isakov

Moscow Institute of Electronic Technology, Moscow, Russian Federation

 isakov2009@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is due to the significant complication of public relations, their high dynamism, rapid growth of new technologies in the development of modern law and its focus on the implementation of the constitutional principle of equality. An attempt is made to substantiate that the social orientation of the Russian Federation and the use of high technologies in law allows to expand the range of subjects entitled to adopt the norms of primary regulation; as a result, legal regulation necessarily acquires a multi-level character, and high-tech law, due to new properties (feasibility, logistics, research intensity) acts as an effective means of implementing the principle of equality in specific legal relations. The purpose of the work is to substantiate the role of high technologies as an effective means of implementing the constitutional principle of equality in conditions of multi-level legal regulation. The materials for the research are the works of legal scholars, as well as specialists in the field of philosophy, theory of law, sociology, technology, legal practice, regulatory legal framework of the federal, regional, municipal and local levels, and the author's practical experience in law enforcement and teaching. The research employs the following methodology. The findings are based on general scientific research methods: dialectical, systematic, logical, sociological, as well as private scientific and special. The Results may be formulated as follows: it is proved that new technologies in law significantly correct the basic theoretical principles of primary legal regulation, its paradigms and practical orientation, develop the idea of a multi-level and integrative nature of legal regulation. The author's interpretation of the concepts of "equality", "multilevel legal regulation" is suggested. The mechanisms of high technologies in the realization of legal equality are revealed. The positive results of the application of digital public administration, artificial intelligence, e-government, etc. in multi-level legal regulation are demonstrated.

Key words: law, law making, the principle of legal equality, multilevel legal regulation, law enforcement, new technologies, transformation of law, high-tech law

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 15th January 2023

Accepted: 15th October 2023

For citation:

Isakov, I.N. (2023) New technologies in law as a highly effective means of implementing the constitutional principle of equality in conditions of multi-level legal regulation. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 919–938. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-919-938>

Равенство – вековая мечта человечества
Ж.-Ж. Руссо

Введение

Происходящие в современном российском обществе изменения, требующие дальнейшего формирования права, ориентированного на реализацию конституционного принципа равенства, остро нуждаются в новых средствах правового регулирования, или, как отмечается в литературе, в «последовательном преобразовании права» (Трофимов, 2015), что становится ключевой и актуальной задачей юридической науки. По меткому выражению К. Маркса, «закон является всеобщим и подлинным выразителем правовой природы вещей». И далее Маркс акцентирует внимание на том, что «правовая природа вещей не может приспособляться к закону, напротив, закон должен приспособляться к ней» (Маркс, 1955:22). Такой вывод известного аналитика, с одной стороны, подтверждает закономерный характер развития правовых явлений и процессов, что нисколько не утрачивает соей актуальности относительно преобразования современного права. С другой стороны, упомянутый вывод показывает, что отсутствие обоснованных представлений о закономерностях и особенностях формирования на современном этапе такого важнейшего атрибута общества и государства, каким является право, с нашей точки зрения, может выступать основной причиной нереализованных ожиданий и в первую очередь в сфере осуществления конституционного принципа равенства (ст. 19) (далее по тексту принципа правового равенства).

В данном случае речь идет о формировании права, в основе которого лежит двуединый (общесоциальный и планомерно-рациональный) процесс создания правовых норм, закрепляющих и использующих высокие технологии в правотворческой, регулятивной и иных видах юридической деятельности, обеспечивающей совершенствование общественных отношений, перевод принципа правового равенства в практическую плоскость на различных уровнях правового регулирования.

Между тем практика показывает, что всякий раз, когда появлялись новые технологии в праве, то значительно активизировалась научная и практическая деятельность, как на общетеоретическом, так и на отраслевом уровне юриспруденции. Случилось так и на рубеже конца XX – начале XXI вв. Органично вошедшие во многие сферы общественной жизни новые высокие технологии показывают неизбежность наступления четвертой промышленной революции, как логического продолжения современной компьютеризации и информатизации всех сфер общества (Bertovsky, 2021:739). Это подтверждают результаты развития высоких технологий в Китае и Южной Корее¹.

В Российской Федерации новые технологии отчаянно проникли в сферу права сначала в форме компьютеризации, а затем и цифровизации. «Приспособившись» к ним, право становится все более «высокотехнологичным», «цифровым»,

¹ См.: 10 ключевых технологий последнего десятилетия. Режим доступа: <https://habr.com/ru/company/skillfactory/blog/533668/> (дата обращения: 22.12.2022).

«машиночитаемым» и др. заявляет о себе, как о новом качественном явлении общественной жизни (Bertovsky, 2021:735).

Соглашаясь с такой позицией, можно подчеркнуть, что высокие технологии стали уменьшать либо вовсе исключать ошибки во всех видах юридической, управленческой, предпринимательской, кадровой и другой деятельности (например, сокращение времени на изучение информации об уровне знаний, умений, профессиональных навыков и опыта деятельности работника, поиск рабочих мест в центрах занятости населения, проведение тестов при назначении на вакантные должности, электронный документооборот между работниками и работодателями и др.).

Убедительным подтверждением проникновения высоких технологий в право может служить закрепление в Гражданском кодексе РФ понятия «цифровые права» (ст. 141.1). Соответствующие изменения внесены и в другие законы отраслевого и комплексного правового регулирования. Как отмечается в литературе, новые высокие технологии быстро меняют современное российское право. Скорость изменений нарастает практически ежедневно. Правовое регулирование становится все более динамичным, ибо новые акты появляются все быстрее. При этом система нормативных актов становится «сверхсложной» и «слабо управляемой». В ней растет число «противоречий и неполных логических цепочек»². «Цифровизация охватывает все виды коммуникаций» (Bertovsky, 2021), «повышает качество нормативных правовых актов» (Pashentsev & Alimova, 2019; Sokolov & Soldatkina, 2022). По нашему представлению, высокие технологии в праве способствуют активизации деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов правотворчества, побуждают юристов-практиков к разработке и претворению в жизнь новых подходов к достижению реального равноправия в конкретных правоотношениях³.

Под этим углом зрения предпринимается попытка обосновать роль высоких технологий в формировании современного права и его ориентированность на осуществление принципа правового равенства в конкретных правоотношениях.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) опираясь на достигнутый уровень технологичности современного права и учитывая степень исследования такого феномена в трудах ученых, показать способность права использовать высокие технологии в различных сферах, отраслях права и уровнях правового регулирования; 2) раскрыть смысл конституционного принципа равенства в условиях применения новых технологий как цели и перспективного направления развития общественных отношений; 3) подвергнуть анализу сферы, отрасли права и уровни правового регулирования, на которых используются высокие технологии; 4) сформулировать выводы.

Цифровизация в праве как новое особо организованное средство осуществления конституционного принципа равенства

Современные изменения в российском праве, отличающиеся от предыдущих этапов стремительностью и противоречивостью интегрирования правовых средств первичного регулирования с новыми высокими технологиями в праве, унифицируют основные виды юридической деятельности и в первую очередь первичное правовое

² Разин Н., Отоцкий П. Закон на языке искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://econs.online/articles/opinions/zakon-na-yazyke-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 07.01.2023).

³ Под принципом равноправия (равенство в праве, правовое равенство, равное право) автор понимает равенство субъектов в их правах, закреплённое Конституцией РФ и действующим законодательством.

регулирование, которое в условиях демократического государства приобретает разноуровневый характер.

В этом контексте смысл цифровизации в праве состоит в переносе в компьютер знаний о праве и его функций, которыми владеет человек. Так, выполняя особую роль в первичном регулировании, цифровые технологии способствуют реализации всеобщих и фундаментальных принципов равенства, справедливости, эквивалентности и др. в различных сферах общественной жизни: управленческой, кадровой, предпринимательской, образовательной, медицинской, банковской, экологической, пенсионной и др. При этом в приоритетном порядке новые технологии вместе с другими правовыми средствами обеспечивают укрепление конституционного строя, сохранение суверенитета и целостности российской государственности как главных и необходимых условий реализации принципа правового равенства.

Если с этих позиций характеризовать роль высоких технологий в осуществлении принципа правового равенства крупным планом, то просматривается тенденция появления новых высокотехнологичных и эффективных правовых моделей, способствующих снятию противоречий в правовом пространстве, снижению социального неравенства в российском обществе, продвижению его по пути комплексной модернизации в социальной, технологической и иных сферах. Неслучайно российские и зарубежные ученые-юристы солидарны в том, что «технологическое право» все больше формируется в качестве отдельной и новой области права. Так, М. Guihot проведенным исследованием установил, насколько можно согласовать нормы и принципы действующего права в сфере здравоохранения и экологии, и обосновал необходимость унификации законодательства в названных сферах на основе цифровых технологий. Опираясь на полученные результаты, автору удалось сформулировать требования к классификации законодательства. Согласованные и классифицированные нормы и принципы законов с использованием цифровых технологий М. Guihot назвал «отдельной, новой технологической областью права» (Guihot, 2019). Научные выводы автора существенно дополнили рекомендации по тестированию разрозненных законодательных актов и формированию технологического права, содержащиеся в Оксфордском Справочнике по праву, регулированию и технологии.

Что касается научных разработок технологичности права в Российской Федерации, то одним из первых российских ученых-юристов, разработавших понятие «высокотехнологичное право», стал Л.В. Бертовский. Наиболее значимым в его трудах является то, что автор выявил и раскрыл характерные признаки высокотехнологичного права: 1) технологичность; 2) логистичность; 3) наукоемкость. При этом автор подчеркивает, что стремительное развитие высоких технологий привело к росту наукоемкости права и потребовало новых знаний и более высокого уровня профессиональных компетенций в законотворческой, правоприменительной и других видах юридической деятельности (Bertovsky, 2021:740).

Технологичность, наукоемкость и логистичность российского права подтверждается тем, что реальное использование высокотехнологичных информационно-коммуникативных систем способствует значительному повышению результативности правотворческой и регулятивной деятельности на федеральном, региональном, муниципальном и иных уровнях правового регулирования. Например, свойство технологичности и логистичности права предоставляют нормам первичного правового регулирования больше оснований конкретизировать и детализировать действие принципа равенства в праве, в частности, более предметно использовать принцип эквивалентности в трудовых отношениях, стимулировать трудовую активность

работников коммерческих и некоммерческих организаций, упорядочить оплату их труда и др.

Итак, общая характеристика новых технологий в праве показывает, что, с одной стороны, формируется высокотехнологичное право, а с другой – благодаря высоким технологиям расширяется действие принципа правового равенства, обеспечивается его органическая связанность с нравственными началами, присутствующими в нормах первичного регулирования.

Погружаясь в рассмотрение наиболее важных аспектов содержания принципа правового равенства, являющегося крупной теоретической и практической проблемой, следует заострить внимание на том, что базовую основу такого феномена составляет органический характер системного строения права, как сложного и целостного образования.

Исходя из этого, в российской юридической литературе (да и в международном праве) правовое равенство признается всеобщим фундаментальным реально действующим принципом: во-первых, правовое равенство отражает наиболее глубокие, существенные качества права, играет роль первоосновы для таких всеобщих принципов, как взаимозависимость, эквивалентность, справедливость и др.; во-вторых, выступает формой проявления свободы индивида, иных субъектов; в-третьих, не связано с посягательствами на права других лиц.

В Преамбуле Всеобщей декларации прав человека отмечается, что признание равных и неотъемлемых прав личности является основой свободы, справедливости и всеобщего мира⁴. В этом контексте Н.В. Витрук справедливо отмечал, что формально-юридическое применение принципа равенства перед судом и законом ведет к нарушению принципов справедливости, милосердия, гуманизма (Vitruk, 2010:15).

Ведущая роль принципа равноправия в системе российского права отнюдь неслучайна. Свободный индивид по своей воле вступает в конкретное правоотношение, и самостоятельно, по соглашению с другим участником, определяет содержание этого правоотношения. Как справедливо отмечал В.С. Нерсисянц, «люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы» (Nersesyants, 2005:25).

Среди множества признаков и свойств, которыми обладает принцип правового равенства, В.М. Сырых особо выделяет его интегративные свойства, пронизывающие все отрасли системы российского права, охватывающие все уровни правового регулирования и находящиеся с ними в системных связях (Syrykh, 2004:212). Именно благодаря интегративным свойствам равноправие выступает всеобщим фундаментальным принципом права, охватывает все элементы внутринациональной системы российского права и находится с ними в органическом единстве. Отсутствие равенства в праве сводит на нет его (права) ценностные свойства. Как справедливо отмечается в литературе, где нет равенства, там нет и права как такового. На недопустимость отступления от принципа правового равенства указывали В.Н. Кудрявцев (Kudryavtsev, 2017), Н.В. Витрук, Н.А. Власенко, Г.В. Мальцев, В.Д. Зорькин (Zorkin, 2015), В.В. Лунеев (Luneev, 2013) и другие авторы.

В то же время, несмотря на признание правового равенства фундаментальным, ведущим принципом системы российского права, дискуссионными остаются, как минимум, два вопроса: 1) действует ли в Российской Федерации, в других странах мира принцип правового равенства *реально*, т.е. проявляется ли он как фактическое

⁴ См.: Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 09.01.2023).

правовое равенство или остается не более чем формально-правовым равенством в конкретных правоотношениях; 2) в каких сферах права и на каких уровнях правового регулирования может *реально* действовать принцип правового равенства.

Обращаясь к учению Аристотеля о государстве, Н.А. Власенко заметил, что великий философ красной нитью проводит основополагающие мысли о государстве как «добродетели для человека», о связи добродетели и государства, счастья и государства (Vlasenko, 2021:485).

По мысли Аристотеля, государство, как добродетель, как социальное образование обеспечивает равенство для всех. При этом, выступая основной целью государства, добродетель ценится выше всех. Если господство богатства ценится выше добродетели, то государство становится корыстолюбивым (Aristotel', 1984:439).

Как видим, центральным звеном в наследии Аристотеля просматривается идея «государственной добродетели», осуществление которой немислимо без «равенства для всех». Высказанные более двух тысяч лет тому назад идеи мыслителя того времени нисколько не потеряли своей актуальности и в наше время. Проблема обеспечения фактического равенства в обществе по-прежнему остается острой и дискуссионной.

По мнению В.С. Нерсесянца, фактическое равенство – «величина иррациональная», «далекая от равенства», противоречащая самому понятию равенства (Nersesyants, 2005:18). Против трактовки равенства в праве только как формально-правового равенства обоснованно возражает В.М. Сырых (Syrykh, 2007:140). По его мнению, правовое равенство по форме и по содержанию может одновременно быть не только формальным, но и фактическим (Syrykh, 2011:447). Последнее существовало во времена Аристотеля и реально существует по настоящее время, хотя и в достаточно ограниченных сферах. Так, в современных развитых странах равное право существует на уровне минимальных стандартов. Согласно Всеобщей декларации прав человека каждое государство обязывается обеспечивать минимальный стандарт материальных и духовных благ каждому, независимо от пола, расы, национальности, уровня благосостояния и др. В Российской Федерации в соответствии с п. 2 ст. 19 Конституции РФ гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от признаков, зафиксированных в названной статье.

Что касается обеспечения фактического равенства, то в соответствии с Конституцией РФ (ч. 2 ст. 7) и на основании Всеобщей декларации прав человека фактическое правовое равенство существует в Российской Федерации, также как и в развитых странах, во-первых, на уровне минимальных государственных стандартов: минимальный размер оплаты труда, минимальные социальные пенсии, пособия для многодетных семей, инвалидов, социальное страхование, оказание медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, равный доступ к государственной службе, гарантируемая общедоступность и бесплатность основного общего образования и др. При этом автор данного исследования обосновывает, что минимальные государственные стандарты могут дополняться и превышать решениями, принятыми по собственной инициативе правотворческими органами субъектов РФ, местного самоуправления, легализованных негосударственных образований, иных социальных сообществ с учетом возможности их бюджетов.

Однако в российской и зарубежной научной литературе до сих пор существует мнение, что современные государства, формально наделяя всех членов общества равными правами, не могут гарантировать предоставление им равных жизненно необходимых материальных и духовных благ, а предлагают ориентироваться на принцип «самообеспечения». Подобные проблемы существуют и в Российской

Федерации. Как отмечает Н.А. Власенко, «фактически платные образование и медицина в условиях низкой заработной платы и минимальных пенсий – это болезненно затянущиеся факторы современности» (Vlasenko, 2021:481).

Соглашаясь с автором, можно подчеркнуть, что формальное равенство не может соответствовать современным реалиям и перспективам развития права. Как показывает практика, общество идет по пути расширения не только сфер реального действия равенства, но и средств, с помощью которых можно достичь фактического правового равенства и уменьшить социальное неравенство в целом. Высокоэффективным средством выступают сегодня новые технологии в праве, которые с математической точностью могут определить возможность повышения эффективности действия норм первичного правового регулирования, что способствует исполнению принципа правового равенства во всех отраслях системы российского права и на всех уровнях правового регулирования.

Как уже отмечалось, обладая интегративными свойствами и выполняя миссию первого принципа в системе российского права, принцип правового равенства не может выступать как «формальный определитель равной меры» либо как «абсолютное равенство», где сливаются общие и личные интересы «в неразличимом единстве». Законодательное закрепление минимальных государственных стандартов обеспечения материальных и духовных благ и возможность их существенного дополнения на региональном, муниципальном и иных уровнях правотворчества служит тому убедительным доказательством, опровергающим тезис о правовом равенстве как формально-правовом равенстве.

Под этим углом зрения новые высокие технологии существенно *расширяют* реальное действие принципа правового равенства. Так, в рамках государственной программы «Информационное общество» реализуется Федеральный проект «Цифровое государственное управление». Проект, инициированный Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации ориентирован на достижение национальной цели «Цифровая трансформация». Последняя определена Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Федеральный проект предусматривает мероприятия цифровой трансформации системы государственного управления, направленные на достижение «нового уровня предоставления услуг необходимых для повышения качества жизни граждан», увеличение доли массовых социально значимых услуг, осуществляемых в электронном виде до 95 %⁵.

Практическая значимость анализируемого проекта состоит в том, что он предусматривает оказание государственных услуг посредством «реестровой модели», характеризуемой в литературе как «систематизированный перечень данных, формируемых в соответствии с поставленными задачами» (Tereshchenko, 2021). Создаваемая с помощью цифровых технологий модель систематизации и унификации «перечня данных», обеспечивает автоматизированную обработку и хранение информации любого объема.

Таким образом, непрерывно создаваемый информационный ресурс позволяет повысить оперативность прогнозирования и стратегического планирования в указанных сферах, устранить излишние звенья и этапы управленческой деятельности, сократить сроки принятия управленческих решений и тем самым создать

⁵ См.: «Цифровое государственное управление». Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения: 09.01.2023).

благоприятные условия реализации принципа правового равенства. Приведем конкретные доводы.

Во-первых, при цифровой реестровой модели систематизированная и унифицированная правовая информация, ее точность и достоверность, высокая социально-правовая и практическая значимость позволяет более предметно осуществлять контроль за исполнением федеральными органами исполнительной власти законов, закрепляющих обязательные минимальные государственные стандарты и гарантирующих получение различными категориями граждан, установленных материальных и духовных благ. При этом уменьшается объем документов, представляемых при защите и восстановлении нарушенных прав в тех случаях, когда официально установленное получение материальных и духовных благ остается неисполненным.

Во-вторых, цифровая реестровая модель усиливает гарантии исполнения Конституции РФ, федеральных законов, норм международного права, конституций, уставов, законов субъектов РФ, уставов и предписаний местного самоуправления в тех случаях, когда минимальные государственные стандарты дополняются и превышаются первичными нормами субъектов Федерации, местного самоуправления и предписаниями легализованного негосударственного правотворчества. В данном случае реестровая модель препятствует проявлению различного рода злоупотреблений, мошенничества и коррупции при назначении дополнительных материальных и духовных благ для различных социальных групп, а также персональных выплат, осуществляемых в регионах, муниципальных образованиях, коммерческих и некоммерческих организациях, имеющих статус саморегулируемых образований, иных социальных сообществах.

Что касается саморегулируемых организаций, то в соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ (с изм. на 02.07.2021 г.) под ними признаются некоммерческие организации, создаваемые в соответствии с ГК РФ и Федеральным законом от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Закон о саморегулируемых организациях закрепил понятие «саморегулирование», под которым понимается самостоятельная и инициативная деятельность, осуществляемая субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности, содержанием которой является разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности. При этом саморегулирование осуществляется на условиях объединения субъектов указанных видов деятельности в саморегулируемые организации (ч. 2 ст. 2). Закон также установил статус саморегулируемой организации, ее правовое положение, определил органы управления, закрепил полномочия на самостоятельное осуществление правотворческой деятельности, принятие нормативных правовых актов исходя из предмета саморегулирования.

В-третьих, достоинством цифровой реестровой модели является и то, что унификация правотворчества, правореализации, правоохраны, правозащиты, применения юридической ответственности, исполнения санкций, являющихся компонентами механизма, обеспечивающего их единство и общеобязательность, создает реализуемому принципу благоприятные условия при его переводе из формально-правового состояния в фактическое равенство в конкретных правоотношениях.

Дополнительным и весьма эффективным средством, используемым в рамках государственной программы «Информационное общество», способствующим реализации принципа равенства, выступает цифровая трансформация в форме «машинночитаемого права». Ее применение объясняется постоянным увеличением массива правовых актов, различающихся по структуре, содержанию и форме их

выражения, что существенно затрудняет подготовку поступающих документов для их автоматизированной обработки. При этом, как уже отмечалось, сфера права обладает большим потенциалом применения цифровых технологий на уровне всей системы права.

Исходя из этого 15.09.2021 г. принята Концепция, разработанная правительственной комиссией Российской Федерации, ориентированная на применение технологии «машиночитаемого права», т.е. на перевод правовых норм на язык программирования, применение их в виде необходимых информационных систем. Как показывает практика, такие меры позволяют значительно усовершенствовать автоматизированную обработку поступающих нормативных текстов, сократить время поиска документов, содержащихся в нужных реестрах, исключить возможность их дублирования.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что ряд авторов говорит о нецелесообразности перевода в машиночитаемый вид действующих законов, поскольку их изначально следует прорабатывать под цифровое использование, а также «верхнеуровневых» законов, например, Конституции РФ, образующей базовые понятия и отношения⁶. Как нам представляется, в этом есть определенный смысл. К верхнеуровневым актам также следует отнести конституции и уставы субъектов РФ, уставы муниципальных и саморегулируемых образований. Из этого следует, что машиночитаемое право имеет ограниченную область применения.

Особого внимания в вопросе о роли высоких технологий в реализации принципа равноправия заслуживает широко обсуждаемая в современной российской и зарубежной литературе идея автоматического создания норм права на базе применения систем *искусственного интеллекта*. Его определение, как комплекса технологических решений на основе технического устройства, способного воспринимать и передавать информацию, дано в Федеральном законе от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ⁷.

Среди закрепленных законом признаков искусственного интеллекта можно выделить два наиболее характерных, имеющих прямое отношение к реализации принципа равноправия: во-первых, способность такого феномена без человеческого интеллекта и без заданного алгоритма осуществлять поиск правовой информации, подвергать ее глубокой обработке и на этой базе получать результаты, которые по своим целям и содержанию ни чем не отличаются от результатов человеческого мышления (интеллекта); во-вторых, самостоятельно, в автоматическом режиме формировать нормы первичного регулирования либо юридически значимые решения, которые могут иметь общеобязательное значение на федеральном, региональном, муниципальном и саморегулируемом уровнях правотворчества и правового регулирования.

Однако в этом аспекте дискуссионными остаются ряд вопросов и в первую очередь о том, выступает ли искусственный интеллект объектом права, ибо он фактически обладает теми же признаками, что и объект права в его традиционном значении, т.е. как разнообразные материальные и нематериальные явления либо блага, способные удовлетворять интересы управомоченного лица. Многие авторы отмечают,

⁶ Разин Н., Отоцкий П. Закон на языке искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://econs.online/articles/opinions/zakon-na-yazyke-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 14.01.2023).

⁷ Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» от 24.04.2020 № 123-ФЗ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45475> (дата обращения: 14.01.2023).

что искусственный интеллект сложно отнести к «классическому» объекту права на том основании, что такой «объект, принимая самостоятельные решения, не несет за них юридической ответственности» (Sokolov & Soldatkina, 2022).

Не менее дискуссионным является вопрос о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью. Сторонники точки зрения о том, что искусственный интеллект может выступать субъектом права, обосновывают свою позицию тем, что такой феномен создан по образу человека и потому у него могут быть права и обязанности. (Yastrebov, 2017; Morkhat, 2018). При этом другие авторы весьма осторожно предлагают в перспективе наделить искусственный интеллект особым статусом «электронного лица» либо рассматривать его как «квази-субъект права» (Vasiliev & Pechatnova, 2020).

С точки зрения юридических оснований многие авторы остро ставят вопрос о преждевременности наделения системы искусственного интеллекта правосубъектностью. Сомнения у них вызывают неопределенность статуса и юридической силы формируемых решений.

Наибольшее количество вопросов возникает по этическим проблемам использования технологий искусственного интеллекта. По мнению многих ученых, при автоматическом формировании правовых норм сложно реализовать их нравственную составляющую.

По нашему представлению, в дискуссии по этическим проблемам не учитывается то обстоятельство, что искусственный интеллект, обладая бесспорными высокотехнологичными преимуществами, активно участвует в формировании и реализации нравственных основ норм первичного регулирования посредством: 1) высокой скорости принятия, обработки и передачи правовой информации, обеспечения ее достоверности и точности; 2) существенного снижения неоправданных рисков и ошибок в период действия норм первичного регулирования на всех его уровнях; 3) препятствия всякого рода злоупотреблениям и вмешательства в процесс формирования управленческих и иных решений; 4) оперативного выявления фактов нарушения прав и свобод граждан и гарантированного их восстановления.

Иными словами, этот вопрос можно интерпретировать так, что когда нормы первичного регулирования принимаются законодательным органом, то их нравственные начала, органично связанные с принципом равноправия, закладываются в процессе законотворческой деятельности. Если же нормы первичного регулирования формируются исключительно на основе высоких технологий в автоматическом режиме, т.е. искусственным интеллектом, то, по нашему представлению, названный феномен вполне объективно оказывает, как прямое, так и опосредованное всеохватывающее высокотехнологичное воздействие на нравственные стороны первичных норм, тем, что, во-первых, создает благоприятные условия для реализации принципа равенства права в конкретных правоотношениях; во-вторых, безукоризненностью и достоверностью формируемых решений.

В этом контексте актуализируется вопрос о том, что, поскольку предметами нормативной и социальной этики выступают моральные идеалы, ценности нравственного характера, конкретные требования к образу жизни в социуме, общественное мнение и др., то этические начала выступают неизменным условием реализации принципов равенства и справедливости в конкретных правоотношениях. И, как уже отмечалось, в этом позитивную роль может играть высокотехнологичный интеллект. Однако в реальной действительности имеют место неравные условия в бизнесе (малом и среднем предпринимательстве), вызванные монополией крупных корпораций, когда возникает опасное для общества социальное расслоение и др.

В подобных случаях должное и фактическое совпадают не всегда и не во всем, а нравственные санкции (одобрение, похвала, осуждение, возмущение) в необходимой мере не используется. При этом моральная оценка практических действий и их мотивов в правотворческой, регулятивной и иной деятельности (намерения, побуждения и др.) может быть неполной либо различной для одинаковых социальных групп и индивидов и потому несправедливой.

Следовательно, такой подход дает основание утверждать, что одним из главных достоинств технологий искусственного интеллекта является его ориентированность и органическая связанность с принципом равноправия, основанном на нравственных началах. Благодаря искусственному интеллекту появляется больше возможностей реализации фактического равенства в конкретных правоотношениях.

В этом аспекте китайские специалисты уверяют, что этические проблемы искусственного интеллекта надуманы. По их мнению, цифровые помощники в виде искусственного интеллекта значительно увеличивают скорость рассмотрения дел в судах и административных органах, исключают задержки правосудия, вносят больше ясности и обоснованности в разрешении споров между субъектами⁸.

Реализация принципа равноправия с использованием высоких технологий в условиях разноуровневого правового регулирования

Новые высокие технологии, используемые в системе российского права, существенно корректируют основные теоретические установки первичного правового регулирования, его парадигмы и практическую направленность, развивают идею разноуровневого и интегративного характера правового регулирования, его цели, задачи, средства, структуру, механизмы реализации правового равенства.

В этом контексте автором данных строк обосновывается, что во внутринациональной системе российского права первичное правовое регулирование осуществляется на четырех уровнях: 1) федерального законодательства; 2) законодательства субъектов РФ; 3) муниципального правотворчества; 4) правотворчества коммерческих, а также некоммерческих организаций, имеющих статус саморегулируемых образований, иных социальных сообществ.

В авторской интерпретации существование названных уровней правового регулирования объясняется тем, что в условиях демократического правового государства расширяется круг субъектов, наделенных правом принятия норм первичного правового регулирования. В правотворческую и регулятивную деятельность вовлекаются: 1) широкие слои населения; 2) субъекты Российской Федерации по предметам «совместного» с Российской Федерации ведения и «собственного» правотворчества и правового регулирования, осуществляемого субъектами РФ; 3) органы местного самоуправления; 4) легализованные негосударственные организации и иные социальные сообщества. При этом важно подчеркнуть, что каждое из перечисленных социально-правовых образований наделено правомочием самостоятельно осуществлять первичное правовое регулирование в целях закрепления в системе российского права особенных интересов регионов, муниципальных образований, коммерческих, а также некоммерческих организаций, имеющих статус саморегулируемых образований, иных социальных сообществ и придания им общеобязательного значения.

⁸ См.: Семь смертных грехов искусственного интеллекта. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5eb299089a79476e9fd77f5c> (дата обращения: 07.01.2023).

Названные факторы и предопределяют, что в новых условиях правовое регулирование необходимо приобретает разноуровневый характер.

В то же время требует объяснения дискуссионный вопрос, касающийся правового регулирования, осуществляемого федеральными, региональными и муниципальными органами исполнительной власти.

С точки зрения автора данного исследования, акты правотворчества исполнительных органов не являются самостоятельным уровнем правового регулирования. Обоснованием такой позиции может служить то, что в соответствии с действующими законами об исполнительной власти и прямыми поручениями федеральных и региональных законов, органы исполнительной власти по своему предназначению обязаны исполнять нормы первичного правового регулирования, и потому принимаемые ими нормативные акты имеют статус вторичного (вспомогательного) уровня правового регулирования. Этим можно объяснить правомерность вхождения таких актов в законодательный уровень правового регулирования, а в муниципальных образованиях и легализованных негосударственных организациях в правотворческий уровень – на правах *субэлемента*.

Необходимо связанные с главным (первичным) элементом, нормативные акты исполнительных органов власти не обладают всеми его существенными признаками по следующим основаниям.

Во-первых, действующее законодательство наделяет органы исполнительной власти полномочием принятия норм «во исполнение закона», означающее конкретизацию первичных норм без изменения их содержания.

Во-вторых, вспомогательные нормы, в отличие от главных, отменяются в административном порядке вышестоящими органами исполнительной власти.

В-третьих, Правительство Российской Федерации, осуществляющее исполнительную власть, наделяется правом законодательной инициативы, побуждающей Государственную Думу принимать меры, обеспечивающие: 1) качественное совершенствование федеральных законов по форме и содержанию, их органическое взаимодействие с актами органов исполнительной власти; 2) отсутствие в актах органов исполнительной власти норм противоречащих федеральному законодательству; 3) соответствие главного и вторичного элементов федеральным стандартам, ориентированным на реализацию принципа равноправия.

Находясь, таким образом, в состоянии единства с волей законодателя, каждый уровень правового регулирования, определяемый в настоящем исследовании как самостоятельное социально-правовое образование, обладает способностью на базе высоких технологий интегрировать и индивидуализировать права и обязанности в конкретных правоотношениях, осуществлять прямые и обратные интегративные связи, аккумулировать отечественную и международную практику, участвовать в разрешении международных конфликтов и внутринациональных споров. Правовой основой в данном случае выступают официальное закрепление в ГК РФ понятия «цифровые права» (ст. 141.1) и федеральные законы «Об электронном документообороте», «Об электронной подписи» и др.

Углубляясь в предмет исследования, акцентируем внимание на ранее упоминаемых общесоциальных и планомерно-рациональных видах юридической деятельности в сфере реализации принципа правового равенства на различных уровнях правового регулирования.

В этом аспекте к наиболее важным особенностям общесоциального и планомерно-рационального процесса утверждения принципа правового равенства следует отнести то, что бурное развитие «цифрового права» позитивно отражается на

высших формах выражения власти народа – *референдуме и свободных выборах* (ст. 3 Конституции РФ). Одновременно происходит непрерывный процесс складывания новых форм участия граждан в правотворческой и управленческой деятельности на уровне региона и муниципального образования: публичные слушания проектов нормативных правовых актов; народные правотворческие инициативы; инициирование в сети Интернет проекта нормативного решения местного самоуправления; сбор голосов в поддержку принятия инициированного правового акта либо голосов, поданных против выдвигаемых правотворческих инициатив; принятие юридических решений при помощи «электронной демократии» и др.

Как показывает практика, названные виды общесоциальной и планомерно-рациональной юридической деятельности, осуществляемые на базе новых технологий в праве, обеспечивают быструю и достоверную обратную связь с социальной средой, что позволяет более предметно осмыслить возможности реализации правового равенства в условиях разноуровневого правового регулирования. Так, в избирательном процессе стало активно использоваться электронное голосование, организаторы которого уверяют, что оно способно обеспечить честные и справедливые выборы. Однако в обществе появилось недоверие к электронному голосованию из-за возможности несанкционированного вмешательства в этот процесс субъективного фактора. Представляется, что подобные неправомерные действия, с одной стороны, могут спровоцировать подрыв идеи народного представительства, а с другой – могут тормозить реализацию конституционно закрепленного принципа равенства, в форме равного и свободного выражения воли избирателей. Между тем еще в конце XIX в. Б.Н. Чичерин писал, что представитель – это не только лицо, служащее государству. На этой службе он занимает место самих граждан. Через них представитель проводит мнение граждан (Chicherin, 1899:5).

Что касается референдума, то такой институт реализации конституционного принципа равенства в постсоветский период на федеральном уровне практически не использовался, за исключением внесения поправок в Конституцию РФ 14.03.2020 г.

Между тем, по нашему представлению, референдум и свободные выборы, как высшие непосредственные формы выражения власти народа, органично дополняя друг друга с помощью новых технологий в праве, могли бы внести весомый вклад в реализацию конституционного принципа равенства в правовом регулировании.

Однако Федеральный конституционный закон «О референдуме в Российской Федерации» не содержит норм, которые прямо предусматривают возможность вынесения на референдум, инициированных гражданами проектов нормативных правовых актов или действующих актов, с целью их отмены⁹. Это влечет за собой не только существенное умаление права граждан на участие в правотворческой деятельности, но и снижение качества правового регулирования на всех его уровнях. Как верно отмечает Н.А. Власенко, «референдум как форма законотворчества, как институт демократии является неработающим» (Vlasenko, 2021:492).

Между тем существуют широкие возможности использования новых высоких технологий в организации и проведении референдумов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях правового регулирования. Речь в данном случае идет не только о технической стороне: информирование граждан о времени и месте проведения референдума, его целях, составление списков для опроса мнения граждан, оглашение результатов референдума, их оформление в качестве общеобязательного

⁹ Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21089> (дата обращения 10.01.2023).

нормативного правового акта и др. Использование новых высоких технологий при проведении референдумов дает возможность глубже понять проблемные вопросы, вовремя снять социальное напряжение в муниципальном образовании, регионе о обществе в целом.

В этой связи издержки, существующие на федеральном уровне законодательного регулирования, восполняются правовым регулированием на региональном и муниципальном уровнях. Так, важным способом реализации принципа равенства с использованием высоких технологий на муниципальном уровне являются «народные правотворческие инициативы», смысл которых состоит в официальном внесении во властные органы проектов нормативных правовых актов группой граждан в установленном законом порядке. Однако в соответствии с Федеральным законом о местном самоуправлении такая форма народного правотворчества предусмотрена только для муниципального уровня правового регулирования (ст. 26).

Восполнению пробела в законодательном регулировании на федеральном и региональном уровнях способствовали Указы Президента РФ от 09 февраля 2011 г. №167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» и от 04 марта 2013 г. №183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса "Российская общественная инициатива"»¹⁰.

Значительная роль в решении этого вопроса отводилась и Федеральному закону «Об общественном контроле», принятому в июле 2014 г.¹¹ Целевая установка закона заключалась в обеспечении учета общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан, общественных объединений, иных негосударственных некоммерческих организаций при принятии решений органами государственной власти и органами местного самоуправления. Как нам представляется, использование данного закона могло способствовать реализации принципа равенства в праве. Однако правильный и чрезвычайно важный закон, официально закрепивший понятие «общественный контроль», в реальной действительности не работал, о чем свидетельствуют официальные аналитические справки и общественное мнение.

Сегодня надежды возлагаются на новый Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹².

В реализации принципа равноправия с использованием новых высоких технологий в условиях разноровневого правового регулирования, активно участвует не обычный по своему названию и характеру деятельности феномен – «электронное правительство». Речь идет о деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти Российской Федерации по системному и профессиональному использованию Интернета и новых цифровых технологий, имеющих цель предоставления физическим и юридическим лицам публичных услуг информационного характера по широкому кругу вопросов. Однако в реальной действительности подобного рода деятельность привела к существенным изменениям во взаимоотношениях между органами исполнительной власти и гражданами. Для сравнения можно отметить, что в странах Европы деятельность электронных правительств связывается

¹⁰ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 10. Ст. 1019.

¹¹ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета. 23 июля 2014 г. Вып. № 6435.

¹² См.: Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45790> (дата обращения 10.01.2023).

исключительно с сервисными функциями исполнительных органов государства, т.е. с предоставлением гражданам сугубо информационных услуг.

Электронное правительство Российской Федерации можно характеризовать как новый и достаточно сложный компонент российской правовой системы, выполняющий социально значимые функции на всех уровнях правового регулирования: 1) предоставление гражданам, физическим и юридическим лицам информационных услуг в электронной форме; 2) предоставление доступа к информации о деятельности органов исполнительной власти; 3) осуществление структурных и иных позитивных преобразований в системе исполнительных органов власти, кардинально изменивших характер взаимоотношений государственных и муниципальных органов власти и граждан; 4) консультирование заинтересованных лиц по вопросам получения и пользования информацией в целях решения юридически значимых вопросов; 5) создание благоприятных условия для реализации принципа равенства в конкретных правоотношениях на различных уровнях правового регулирования.

В целом, по нашему представлению, можно говорить не только о создании единого общероссийского государственного информационного центра, впервые позволившего централизованно осуществлять широкий спектр государственных и муниципальных услуг с использованием высоких технологий¹³ или о формировании единой инфраструктуры для стандартизации и интеграции сферы оказания электронных услуг различными правительственными организациями. Речь идет о широкой планомерно-рациональной юридической деятельности, позволяющей кардинально улучшить *качество* информации, ее достоверность, оперативность и комфортность получения. В качестве примера приведем Налоговый кодекс РФ, предусматривающий в ст. 80 возможность предоставления в электронном виде налоговой декларации, а ст. 32 официально закрепляет возможность передачи в электронном виде акта сверки расчетов по налогам, сборам, пеням, штрафам, процентам и др. по телекоммуникационным каналам связи. В целях улучшения качества обслуживания налогоплательщиков и защиты их прав ФНС РФ запустила онлайн-сервис «Узнай о жалобе». Благодаря данной услуге налогоплательщики стали оперативно получать информацию о результатах рассмотрения жалоб и заявлений, поступающих в центральный аппарат ФНС РФ и в управления налоговой службы по субъектам РФ.

Подтверждением такого вывода могут также служить: 1) Федеральный закон «Об электронном документообороте», который не только значительно расширил перечень предоставляемых электронным правительством услуг, но и предписал мониторить их качество на отраслевом и комплексном уровнях правового регулирования; 2) поправки в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации относительно фотофиксации нарушений правил дорожного движения, которая происходит автоматически, без участия должностных лиц, осуществляющих контроль за дорожным движением. Это стало эффективным способом реализации принципа правового равенства при определении санкций за административные правонарушения; 3) Семейный кодекс, обеспечивающий правовое равенство посредством оказания бесплатного медицинского обследования лиц, вступающих в брак, консультирование по медико-генетическим вопросам, определения отцовства в суде с использованием ДНК-исследования и др.

Переход к цифровизации не обошел стороной уголовное право и судопроизводство. В настоящее время фиксируется рост количества преступлений, связанных с

¹³ См. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32938> (дата обращения 10.01.2023).

использованием незаконного получения сведений о гражданах, физических и юридических лицах и др. Прогнозы экспертов также неутешительны: согласно отчету Cybersecurity Ventures, в ближайшие несколько лет глобальный урон от киберпреступности будет расти на 15 % ежегодно и составит 10,5 триллионов долларов США к 2025¹⁴ г.

В этом контексте можно предположить, что в ближайшем будущем некоторые категории гражданских дел могут рассматриваться таким образом, что в роли судьи будет выступать искусственный интеллект. Если этот вопрос рассматривать с точки зрения обеспечения правового равенства, то в данном случае оно может быть гарантировано, поскольку искусственный интеллект неподкупен.

Однако можно привести примеры иного характера. Так, О.Х. Чинар, исследуя право на неприкосновенность частной жизни в странах ЕС, являющегося одним из прав, закрепленных в международном праве, показывает, что в цифровую эпоху реализация названного права претерпевает определенные изменения. По мнению автора, с ростом цифровизации защита частной жизни становится все более сложной. Государственные и негосударственные организации многих стран вмешиваются в частную жизнь граждан на том основании, что законодательные акты в нарушение ст. 8 Европейской конвенции по правам человека закрепляют возможность такого вмешательства с разрешения соответствующих органов (Çinar, 2021).

В подобных случаях вмешательство в частную жизнь всегда вызывает обеспокоенность людей, создает напряжение между гражданами и государственными организациями, дестабилизирует общественные отношения и не способствует защите прав человека. Так, принятый в декабре 2022 г. Федеральный закон №152-ФЗ «О государственной информационной системе «Единая информационная система персональных данных, обеспечивающая обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица» вызвал неоднозначное к нему отношение. По мнению большого числа депутатов (за принятие проголосовало 295 депутатов) и многочисленных экспертов, единая биометрическая система нарушает право на неприкосновенность частной жизни. Частная жизнь может оказаться под контролем у чиновников и силовиков, поскольку в родильных домах детям надевают браслеты на руки и присваивают штрих-коды, объясняя это «удобством» и «безопасностью». Однако биометрические данные могут оказаться в руках злоумышленников. По этому поводу в печати появились статьи «электронные ловушки», «цифровой рай», «тотальный контроль за населением» и др.

Как нам представляется, большие надежды на цифровые технологии, обеспечивающие равный и быстрый доступ к информации, развитие демократии, свободу слова, защиту равноправия на различных уровнях правового регулирования в названном случае себя не оправдывают.

Заключение

1. Исследование показало, что благодаря новым высоким технологиям впервые происходят стремительные и широкомасштабные социально и юридически значимые преобразования в системе российского права. Нормы первичного

¹⁴ Cybercrime To Cost The World \$10.5 Trillion Annually By 2025. Режим доступа: <https://cybersecurityventures.com/cybercrime-damage-costs-10-trillion-by-2025> (дата обращения: 15.01.2023).

правового регулирования, обладая новыми свойствами и дополнительными признаками (наукоемкость, логистичность и технологичность), обеспечивают реализацию принципа правового равенства посредством: общероссийского государственного информационного центра, осуществляющего государственные и муниципальные услуги; единой инфраструктуры для стандартизации и интеграции; электронного правительства, как одного из наиболее сложных компонентов системы российского права, выполняющего социально и юридически значимые функции в муниципальных образованиях, регионах и в обществе в целом; «электронной демократии», искусственного интеллекта; машиночитаемого права и др.

2. В сравнении с традиционными нормами первичного правового регулирования нормы высокотехнологичного права имеют меньшую ориентированность на реализацию конституционного принципа равенства, способствуют раскрытию его глубокого смысла, усиливают интегративные свойства, предоставляют дополнительные основания судить о равенстве не как о формально-правовом принципе, а как о реально действующем феномене в конкретных правоотношениях, расширяют возможности его действия в системе российского права.

3. Новые технологии, органично вошедшие в систему российского права, корректируют теоретические установки разноуровневого правового регулирования, его цели, средства и механизмы, а нормы первичного регулирования, воплотившие в себе высокие технологии, закрепляют предметно-практическую деятельность уполномоченных субъектов в различных сферах общества, что способствует переоценке возможностей осуществления правового равенства в конкретных правоотношениях. Наибольшая активность новых технологий просматривается на этапе перевода прав и обязанностей субъектов в конкретные правоотношения, обеспечивая их конкретизацию и детализацию, снимая возникающие противоречия.

4. Новые технологии в праве, посредством высокой точности расчетов бюджетных средств, имеющихся в распоряжении субъектов РФ, муниципальных и саморегулируемых образований, позволяют определить приоритеты расходов в целях повышения уровня материальных и духовных благ индивидов, иных субъектов права по сравнению со стандартами, установленными федеральным законодательством.

References / Список литературы

- Aristotel', (1984) *Politics*. Collected Works in 4 vols. Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ. (in Russian).
Аристотель. Политика // Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 444 с.
- Bertovsky, L.V. (2021) High-tech law: concept, genesis and prospects. *RUDN Journal of Law*. 25(4), 735–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-4-735-749> (in Russian).
Бертовский Л.В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // *RUDN Journal of Law*. 2021. Т. 25. № 4. С. 735–749. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-4-735-749>
- Çınar Özgür Heval (2021) The current case law of the European Court of Human Rights on privacy: challenges in the digital age. *The International Journal of Human Rights*. 25(1), 26-51. <https://doi.org/10.1080/13642987.2020.1747443>
- Chicherin, B.N. (1899) *About the People's Representation*. Moscow, Printing house of the Partnership I.D. Sytin. (in Russian).
Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1899. 836 с.
- Guihot M. (2019) Coherence in technology law. *Law, innovation and technology*. 11(2), 311–342. <https://doi.org/10.1080/17579961.2019.1665792>
- Kudryavtsev, V.N. (2017) *Equality and equality*. Monograph. Repr. ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ. (in Russian).

- Кудрявцев В.В. *Равноправие и равенство: монография*. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 184 с.
- Luneev, V.V. (2013) Equity and Equality in Modern Russia in modern Russia. *State and law*. (5), 95–99. (in Russian).
Лунеев В.В. О равенстве и равноправии в современной России // Государство и право. 2013. № 5. С. 95–99.
- Marx, K. (1955) *Proceedings of the Sixth Rhine province assembly. Third Article. (Debates on the law on thefts of wood)*. *Sobr. Op.* Vol. 1. Moscow. (in Russian).
Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага. Статья третья. (Дебаты по поводу закона о краже леса) // Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.* Т. 1. М., 1955.
- Morkhat, P.M. (2018) On the issue of legal personality of an «electronic person». *Legal studies*. (4), 1–8. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.4.25647> (in Russian).
Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 1–8. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.4.25647>
- Nersesyants, V.S. (2005) *Philosophy of Law*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Нерсисянц В.С. *Философия права*. М.: Норма, 2005. 656 с.
- Pashentsev, D. & Alimova, D. (2019) Innovations of law-making in the conditions of digitalization of public relations. *State and law*. (6), 102–106. <https://doi.org/10.31857/S013207690005265-3> (in Russian).
Пашентев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 102–106. <https://doi.org/10.31857/S013207690005265-3>
- Sokolov, A.Yu. & Soldatkin, O.L. (2022) Priorities of federal and regional legal policy in the field of digitalization. *RUDN Journal of Law*. 26(3), 705–724. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-705-724> (in Russian).
Соколов А.Ю., Солдаткина О.Л. Приоритеты правовой политики в сфере цифровизации законотворческой деятельности // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 705–724. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-705-724>
- Syrykh, V.M. (2004) *Logical foundations of the general theory of law: The logic of legal research*. In 2 vol-s. Vol. 2. Moscow, Yustitsinform Publ. (in Russian).
Сырых В.М. Логические основания общей теории права: Логика правового исследования: в 2 т. Т. 2. М.: Юстицинформ, 2004. 560 с.
- Syrykh, V.M. (2007) *Logical foundations of the general law theory. Contemporary legal comprehension*. Vol. 3. Moscow. Russian Academy of Justice. (in Russian).
Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Современное правопонимание. Т. 3. М.: Российская академия правосудия, 2007. 512 с.
- Syrykh, V.M. (2011) *Materialistic theory of law. The essence of law*. Vol. 2. Moscow. Russian Academy of Justice Publ. (in Russian).
Сырых В.М. *Материалистическая теория права. Сущность права*. Т. 2. М.: РАП. 2011.
- Tereshchenko, L.K. (2021) Register model for the provision of state and municipal services. *Journal of Russian law*. 25(7), 110–120. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.090> (in Russian).
Терещенко Л.К. Реестровая модель оказания государственных и муниципальных услуг // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7. С. 110–120. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.090>
- Trofimov, V.V. (2015) Formation of new Russian law as a socio-legal process. *Problems of formation of new law and new Russian statehood on the way to the “pure gold of law”*. *Collection of materials of the I All-Russian Scientific Conference*. To Anniversary of Professor N. A. Pridvorov. 5 February 2015. Tambov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin. pp. 101–116. (in Russian).
Трофимов В.В. Формирование нового российского права как социально-юридический процесс: общетеоретический и практико-ориентированный аспекты // Проблемы формирования нового российского права и новой российской государственности: на пути движения к «чистому золоту права»: сборник материалов I Всероссийской научной

- конференции: к юбилею профессора Н. А. Придворова, Тамбов, 5 февраля 2015 года. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2015. С. 101–116.
- Vasiliev, A.A. & Pechatnova, Yu.V. (2020) The place of artificial intelligence among the elements of the legal relationship. *Digital law journal*. 1(4), 74–83. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-4-74-83> (in Russian).
- Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // *Digital law journal*. 2020. Т. 1. № 4. С. 74–83. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-4-74-83>
- Vitruk, N.V. (2010) Human and civil rights and freedoms in the context of real life as an object of scientific and legal cognition. *Constitutional rights and freedoms of the individual in the context of interaction between civil society and the state*. Moscow, RAP Publ. pp. 9–19. (in Russian).
- Витрук Н.В. Права и свободы человека и гражданина в контексте реальной жизни как объект научно-правового познания // Конституционные права и свободы личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства: материалы II Международной научно-теоретической конференции. М.: РАП, 2010. С. 9–19.
- Vlasenko, N.A. (2021) The declining state: Aristotle teachings and post-Soviet reality. *RUDN Journal of Law*. 25 (3), 479–505. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-479-505> (in Russian).
- Власенко Н.А. Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // *RUDN Journal of Law*. 2021. Т. 25. № 3. С. 479–505. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-479-505>
- Vlasenko, N.A. (2014) *Reasonableness and certainty in legal regulation: monograph*. Moscow, Infra-M Publ., IZiSP Publ. (in Russian).
- Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М.: Инфра-М, ИЗиСП, 2014. 157 с.
- Yastrebov, O.A. (2017) Artificial intelligence in the legal space: conceptual and theoretical approaches. In: *Legal personality: general theoretical, sectoral and international legal analysis: Collected articles for the XII Annual Scientific Readings in memory of S.N. Bratus*. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Statute Publ. pp. 271–283. (in Russian).
- Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве: концептуальные и теоретические подходы // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: Сб. материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти С.Н. Братуся. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Статут, 2017. С. 271–283.
- Zorkin, V.D. (2015) Constitution lives in laws. Reserves of improving the quality of Russian legislation. *Journal of Constitutional Justice*. 3(45), 1–5. (in Russian).
- Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3(45). С. 1–5.

Сведения об авторе:

Исаков Игорь Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Московский институт электронной техники; Российская Федерация, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, площадь Шокина, д. 1

ORCID ID: 0000-0001-6944-1048

e-mail: isakov2009@yandex.ru

About the author:

Igor N. Isakov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, Moscow Institute of Electronic Technology; 1 Shokin Square, Zelenograd, Moscow, 124498, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-6944-1048

e-mail: isakov2009@yandex.ru